

5. Склярская Г. Н. Метафора в системе языка : монография / Г. Н. Склярская. – Москва: Наука, 1993. – 152 с.
6. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. – Москва: Просвещение, 1974. – 509 с.
7. Тимофеев Л. И. Основы теории литературы / Л. И. Тимофеев. – Москва: Просвещение, 1976. – 408 с.
8. Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: система пейзажных образов в русской поэзии / М. Н. Эпштейн. – Москва: Высш. шк., 1990. – 330 с.

О. Б. Каневская,

канд. педагог. наук, доцент

О. Н. Глущенко,

магистр

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЦЕННОСТНЫХ КАТЕГОРИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА А. ГОРОДНИЦКОГО

У статті проаналізовано особливості використання лексичних репрезентатив ціннісних категорій у художній картині світу О. Городницького. Проведений аналіз поетичних текстів засвідчив, що підґрунтям ціннісної картини світу автора є дуалістичний підхід к світу загалом, дихотомія «добро – зло». Установлено, що безпосередніми виразниками смислової специфіки визначеної дихотомії є окремі, системно співвіднесені один з одним структури, як-от: «правда – неправда», «щастя – біда», «життя – смерть», «батьківщина – чужина», «радість – смуток» тощо.

Ключові слова: аксіологія, ціннісна картина світу, ціннісні категорії, лексичні репрезентанти, Олександр Городницький.

В статье проанализированы особенности использования лексических репрезентантов ценностных категорий в художественной картине мира А. Городницкого. Проведённый анализ поэтических текстов показал, что в основе ценностной картины мира автора лежит дуалистический подход к миру вообще, дихотомия «добро – зло». Установлено, что непосредственными выразителями смысловой специфики данной дихотомии

являются входящие в её состав частные, системно соотнесённые друг с другом структуры типа «правда – ложь», «счастье – беда», «жизнь – смерть», «родина – чужбина», «радость – грусть» и др.

Ключевые слова: аксиология, ценностная картина мира, ценностные категории, лексические репрезентанты, Александр Городницкий.

The article analyzes features of using of lexical representant of value categories in A. Gorodnitsky's poetic speech. Our analysis of the poetic texts shows that the author's value picture of the world is based on dualistic approach to the world in general, dichotomy "good – evil". It is established that in A. Gorodnitsky's artistic picture of the world included in its composition private, systemically related to each other structures like "truth – lie", "happiness – disaster", "life – death," "homeland – foreign land," "joy – sadness," etc. are direct expressions of dichotomy "good – evil"'s semantic specificity.

Key words: axiology, value picture of the world, value categories, lexical representant, Alexander Gorodnitsky.

В реальном мире существуют предметы и явления, в языке – слово. Между миром и языком стоит человек мыслящий, носитель языка. Воспринимая и осознавая мир, он создает свою систему представлений о мире. Пропустив их через свое сознание, осмыслив результаты этого восприятия, он передает их другим членам своего речевого коллектива с помощью языка. Каковы ценности, таковы и общество, и личность. Поэтому проблема ценностей всегда выступает на первое место в переходные периоды общественного развития.

Современную лингвистику, характерной чертой которой является антропоцентризм, интересуют вопросы, связанные с человеком и способами языкового выражения его отношения к миру и обществу, с особенностями отражения ценностных предпочтений определённых народов в их языках.

В рамках антропоцентризма значимость приобретает целостное описание представления о мире определённой нации через призму её языка, то есть через соответствующие языковые картины мира, в структуре которых «одно из центральных мест занимает их аксиологический фрагмент, где получает отражённость определённое видение человека в аспекте его интерпретирующего, избирательного отношения к миру» [5].

Исследователи (Н. Д. Арутюнова, В. И. Карасик, Е. С. Кубрякова,

В. А. Маслова, З. Д. Попова, И. А. Стернин, В. И. Шаховский и др.) указывают, что в структуре языковой личности особое место принадлежит ценностям – наиболее фундаментальным характеристикам культуры, высшим ориентирам поведения, которые определяются идеологией, общественными институтами, верованиями, потребностями.

Оценочные отношения плодотворно изучаются в этнографических, социологических, литературоведческих, лингвистических исследованиях (А. Г. Баранов, С. Г. Воркачев, Г. Гачев, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, Г. Г. Слышкин, Б. А. Успенский и др.). Как отмечается в аксиологической литературе, ценностные предпочтения, лежащие в основе оценки, предпочтений, которые человек делает, характеризуя предметы, качества, события, составляют ценностную картину мира, являющуюся частью языковой картины мира. В. И. Карасик [4] подчёркивает необходимость лингвистической разработки ценностных доминант в языке.

Мы убеждены, что интерес представляет исследование художественного текста, в котором отражается не только художественная картина мира автора, но и его ценностная картина мира. Существует ряд работ (О. И. Гамали, О. Б. Каневская, М. А. Кустовская, В. А. Маслова, Л. О. Овчинникова, И. В. Санаева, С. В. Щербак и др.), в которых анализируются ценностные картины мира определённых авторов (например, В. С. Высоцкого, Ф. М. Достоевского, Ю. Н. Куранова, М. Ю. Лермонтова, Д. С. Лихачёва, Л. Н. Толстого, М. И. Цветаевой и др.). Однако можно отметить недостаточность разработки этой важной лингвистической проблемы, остаются практически не изученными ценностные картины мира многих поэтов – наших современников, в том числе и А. М. Городницкого.

Александр Моисеевич Городницкий – современный поэт, стоявший у истоков авторской песни, внёсший огромный вклад в современную российскую поэзию. Он автор тридцати поэтических сборников, книг мемуарной прозы, член Союза писателей, лауреат Государственной премии имени Булата Окуджавы (1998) и учёный (доктор геолого-минералогических

наук, профессор). Это поэт, чьи стихи и песни переведены на многие языки. Творчество Городницкого отличают широта и глубина поэтического освоения культурного, литературного, исторического пространства, огромный тематический диапазон, литературная состоятельность, богатство и разнообразие языковых средств и творческий подход к их использованию. К сожалению, творчество этого поэта в целом и язык его произведений в частности ещё не стали предметом отдельных филологических исследований.

Таким образом, **актуальность** темы исследования обусловлена несколькими причинами. Во-первых, в современной лингвистике с её явно выраженными антропоцентристскими тенденциями постоянно возрастает интерес к проблеме языковой объективации мировосприятия в аксиологическом аспекте. Во-вторых, анализ индивидуально-авторских ценностных картин мира, отражённых в художественных произведениях, способствует выявлению различных вариантов взаимодействия аксиологических категорий в рамках единой системы. В-третьих, способы репрезентации оценочных суждений чрезвычайно многообразны. Одной из важнейших форм проявления индивидуальности поэта является присущая ему специфика употребления лексики различных тематических пластов как средства выражения ценностной картины мира. Назрела необходимость изучить ценностную картину мира выдающегося современного поэта Александра Городницкого.

Цель статьи – на основе изучения текстов стихотворений и песен А. Городницкого выявить лексические репрезентации ценностных категорий и проанализировать особенности их использования.

Материалом для исследования послужили произведения А. Городницкого разных лет [1; 2].

На основе изучения текстов стихотворений и песен А. Городницкого методом сплошной выборки были выявлены лексические репрезентации ценностных категорий, отражающие ценностную картину мира поэта: *добро / зло, любовь, дружба / вражда, свобода / неволя, судьба, жизнь / смерть,*

родина / чужбина, дом / бездомность, одиночество, Бог, душа, дорога, материальный достаток, правда / ложь, счастье / беда, мир / война, красота / уродство, совесть, мечта, надежда, радость / грусть, обида, зависть, время, разлука / встреча, убеждения, творчество.

Так, в контекстах репрезентантами ценностной категории «добро» являются такие лексемы, как: *добро, благо, свято, крест, вера; уют, домашнее тепло*): *Стучимся у давней двери / В оставленный свой уют* (Начнем же всё снова); *Не сидеть мне сегодня / В домашнем тепле / И не мять мне ногами траву* (В океане зима); *Суровый бог Аэрофлота, / Благодарю за твой уют, / За обещание полёта / На эти несколько минут* (Пьем кофе в аэровокзале).

Лексические единицы: *зло, злой, злоба, злобно; недобрый, недобро; недоброе царство; сплетни; горький хлеб; недолгий век; тяготы; непосильный труд; кораблекрушение* – репрезентируют ценностную категорию «зло»: *Недобро вспыхивают перстни / На цепких старческих руках* (Смерть Бориса); *И чтобы был уют его налажен / В недобром царстве голода и льда, / Ему готовят бережно поклажу, / Где порох есть, и спички, и еда* (Обычай); *Не слышим мы сплетен летом, / А слышим сосновый гуд* (Начнем же всё снова); *Мы – один экипаж, все мы жертвы кораблекрушенья. / Наше старое судно ушло невозвратно на дно* (Подполковник Трубятчинский); *И будешь ты, под нос твердя убого, / Что действовал тогда не по злобе, / Выпрашивать прощение у Бога, / Ссылаясь на приказы ФСБ* (Судья Данилкин); *Всё не своё, всё временно, всё плохо* (Бездомность Пушкина извечна и горька); *Ударит взрыв и помутится разум, / Бессильная, сомнёт ладони злость. / Слова, что брошены, взрываются не сразу, / И сколько их ещё не взорвалось!* (Слова подчас взрываются не сразу).

«Жизнь» (*жизнь, жить, живой*): *Чётких улиц твоих рисунков / От распада не уберечь. / Восстановят ли их живые, / Вспоминая погибших нас?..* (Прощание с городом); *На хлеб поднимаются цены / И падают цены на жизнь* (Режиссёры) и др.

«Смерть» (смерть, кончина; умереть, погибнуть, погибший, не дожить, убить, жизни отдать, убитый, убиенный, потеряла страна, вместе с листьями сгорю, уйду вослед за светом, обнимет смерть, последний отзвенел звонок, разбился вчера, оступившись у края скалы; похоронный, веночки, погост, закопан, под плитой именно лежать, песчинкою лечь, могильный креп, смертный запах, под сырой под землёй, три сажени земли, гроб нетёсанный): Здесь меж **смертью** и **жизнью** проходит межа (Новодевичий монастырь); Небеса ли виной или местная власть, – / От какой, непонятно, причины, / Мы – куда бы ни шли – нам туда не попасть / Ни при **жизни**, ни после **кончины** (Дорога); Не несите мне **веночки** / С креп-сатинной бородой, – / Лучше я **умру** на кочке / Или, скажем, под водой (Не несите мне цветочки); Пусть нам **смерть** угрожала не раз, / Пусть дорога вперёд нелегка; Наш товарищ **разбился** вчера, / **Оступившись у края скалы** (Песня поисковой партии); Но если скажут, что за час до **смерти**, / Упав лицом на жёсткий холод льда, / О доме вы припомните, – не верьте – / О доме вы не вспомните тогда (Кладбище на Таймыре); А дядька **погиб** под Брестом / С пустым наганом в ладони (Про дядьку); И в тундре **умирает** человек; Ему забот не надо **похоронных**, / Столь тягостных и близких, и родным; Быть может, за арктической границей / И нету вовсе **смерти** никакой, / Где солнце вечерами не садится / И **мёртвым** не даруется покой (Обычай); Сердце **разбуди свинцовой плетью**, / Охрани меня от долголетия, / Постепенной **смерти** стариков (Маленец); На чужом **погосте** / Тебе лежать, сирота (Ты покинь свой город); И я тебе не говорю, / Хоть улыбаюсь я при этом, / Что я **уйду вослед за светом**, / Что **вместе с листьями сгорю...** (Романс); Зарастают окопы колючим кустом. / Не поймёшь, кто **закопан** на месте пустом: / Без имён их земля спеленала, темна, / И не знает, кого **потеряла**, страна; Не хочу **под плитой именно лежать**, – / Мне б водою речной за стеною бежать, / Мне б **песчинкою лечь** в монастырь, что вместил / Территорию тех **безымянных могил**

(Новодевичий монастырь); *В проём рубахи порванной / Рукой своею ловкой / Обнимет смерть нас поровну / Намыленной верёвкой* (Свадьба) и др.

«**Дружба**» (дружба; друзья; товарищи; один экипаж; единомышленники, сообщники, поколение, мечтатели, Юрий Визбор): *Ну так дай же, родная, мне руки, / Обещай нашу дружбу сберечь* (Вальс геофизиков); *Шумят кругом дремучие леса, / И стали мне докучливы и странны / Моих товарищей нездешних голоса, / Их городов асфальтовые страны* (Деревянные города); *Мы – один экипаж* (Подполковник Трубятчинский); *Может тот кусок для тебя сберёг / И не съел голодный друг* (Черный хлеб); *Ах, друзья, вы куда?* (Одиночество) и др.

«**Вражда**» (враг, неприятель): *Ты на части хлеб аккуратно режь: / Человек – что в ночи овраг. / Может тот кусок, что ты сам не съешь, / Съест и станет сильным враг* (Черный хлеб); *Вспоминаю вас я, / По игре в футбол – неприятели* (Друзья и враги) и др.

Репрезентантами ценностной категории «**любовь**» у поэта становятся такие лексемы, как: *любовь, роман, страсть*. В большинстве стихотворений о любви это чувство рисуется в трагическом облике. Например: *Как прежде, в любовь мы верим, / Хоть верить нам не дают* (Начнем же всё снова); *Несмелые и негордые / Любимых крадут у нас* (Начнем же всё снова); *Ах, наша любовь – ты права – / Одно наказанье! / Уходят на ветер мои слова, / Искрят на бизани* (Песенка радиста); *К вам любовь – как тягостное бремя* (За кормой ревун кричит во мгле); *Под сырой под землёй я руду найду, / Позабыв про любовь – девку вредную* (Распечалим печаль государеву).

В поэтических контекстах лексема «**любовь**» наращивается дополнительными смыслами: ‘наказанье’, ‘вера’, ‘бремя’.

Нередко поэтом *судьба* воспринимается как рок, которого не избежать: *Всё наперёд записано в анналы, / И лунный диск уменьшился на треть* (Причин потусторонних не ищите); *Бездомность Пушкина извечна и горька, / Имущество опального поэта, / Гонимого стремительной судьбой* (Бездомность Пушкина извечна и горька); *Опять во тьму уводит нас дорога,*

/ Послушная незавидной судьбе (Судья Данилкин); *Так и проходят меж пьяной беседою, / домом и службою / Судьбы пропавшие, песни неспетые, / жизни ненужные...* (Около площади); *Судьбы моей извилистая нить / Оборвана у этого порога* (На Маяковской площади в Москве); *Я сосне накажу опознать палача, / Я берёзе скажу о безрадостной доле* (Мокрое царство).

В поэтических контекстах ценностная категория «судьба» реализуется с помощью лексем: *судьба, провиденье, доля*, которые приобретают дополнительные смыслы: ‘стремительный’, ‘неотвратимый’, ‘тьма’, ‘горечь’, ‘извилистый’.

Как свидетельствует проведённый нами анализ поэтических текстов А. Городницкого, в основе ценностной картины мира автора лежит дуалистический подход к миру вообще: *Отыскивая этому причину, / Я вижу вновь недолгую личину, / Народную беду и торжество, / Лжедмитрия бесславную кончину / И новое рождение его* (Самозванец); *Небеса ли виной или местная власть, – / От какой, непонятно, причины, / Мы – куда бы ни шли – нам туда не попасть / Ни при жизни, ни после кончины* (Дорога); *И землю, не приемлющую мёртвых / И стойко изводящую живых* (Кладбище на Таймыре); *Для чего, глотая слезы, плыть куда-нибудь, / Где, и деньги ухватив, остаёшься нищим?* (Не выпрашивай у Бога); *Ах, наши давние обманы, / Вы стали правдою теперь* (Брусника). То есть, в основе языковой репрезентации ценностных категорий в художественной картине автора лежит дихотомия «добро – зло».

Добро и зло, правда и ложь, жизнь и смерть, друзья и враги, радость и грусть, любовь и ненависть, по мнению автора, неразрывно связаны и не существуют друг без друга: Но не знаю я тем не менее, / От каких же шагов / Начинается разделение / На друзей и врагов (Друзья и враги); *Но медлю я, прикинув, как Овидий, / К родной земле, где я не одинок, – / Где есть кого любить и ненавидеть* (Мне говорят, что надо уезжать); *У нарядных могил обихоженный вид, – / Здесь и тот, кто убил, рядом с тем, кто убит. / Им*

легко в этом месте – ведь тот и другой / **Жизни отдали вместе** идее одной (Новодевичий монастырь).

Таким образом, в художественной картине мира А. Городницкого непосредственными выразителями смысловой специфики дихотомии «добро – зло» являются входящие в её состав частные, системно соотнесённые друг с другом структуры типа «правда – ложь», «счастье – беда», «жизнь – смерть», «родина – чужбина», «радость – грусть» и др.

Анализ текстов поэта показывает, что **добро** – это *творчество, дорога, детство, надежда, учителя, друзья, единомышленники*: **Песня к тебе доберётся** / Даже в нелётные дни (Снег); **Я ещё приеду, Маленец, / К ласковым дорогам** деревенским (Маленец); **И окликнет вас ласково мать, / И сгоревшее встанет жильё, / И подарит вам детство** опять / Полотняное небо своё (Цирк шапито); **Благословим случайность и надежду** / И будем защищаться до конца! (Причин потусторонних не ищите); **Настырные и неустанные, / Радушные** день изо дня, / **Спасибо** вам, мои **наставники**, / За то, что создали меня (Настырные и неустанные).

Главное **благо**, по мнению поэта, – это верность своему предназначению и убеждениям, родине и друзьям: *Меня пугают: «Худшей из смертей / Умрёшь ты здесь, растерзанный и голый».* / Мне говорят: «Пора спасти детей, – / **Теперь не время думать про глаголы.** / **Недолгий срок тебе судьбою дан / Для нового открытия америк.** / Когда вскипает штормом океан, / Не время выбирать удобный берег»... – А я вослед им говорю: «Пока, – / Я опасаюсь временных пристанищ / **В безмолвии чужого языка, / Который мне родным уже не станет**» (Мне говорят, что надо уезжать).

Зло, как считает А. Городницкий, – это война, смерть, тоска, ложь, предательство: **Идёт война** за близким горизонтом, / **И незачем теперь рожать детей** (Заброшенные детские сады); **Судья Данилкин не боится Бога, / Когда он выдаёт за правду ложь** (Судья Данилкин); **Немало боролись с тоскою, / Живя от любимых вдали** (Прощальный гудок у перрона); *Ой*

ты, доля-тоска окаянная, / Перестань нас бедою одаривать (Распечалим печаль государеву); Врачуют меня врачи, / Кроют из меня Иуду, / И мне говорят: «Молчи!» / А я говорю: «Не буду!» (Антигалилей); Давно мы на правду в обиде, / Давно от неправды устали, / И только от массовых зрелищ / Ещё пробуждаемся мы (Режиссёры).

Поэт сопрягает **труд** и **счастье**, давая такое определение: *То, что счастьем другие зовут, / Для меня – мой сегодняшний труд* (Песня поисковой партии).

Размышляя о высоком, духовном, нравственном, поэт затрагивает и такие понятия, как **совесть**, **вера**, **зло**: *И наша совесть – чиста и честна (За белым металлом); Он в том клянётся всем что свято – / Крестом и верою своей, / И от багрового заката / Пылают маковки церковей (Смерть Бориса); Для чего ты пришёл в этот мир, человек, / Если горек твой хлеб и недолог твой век / Между дел ежедневных и тягот?* (Дорога).

Задумываясь о смерти и размышляя о жизни, А. Городницкий говорит о самом важном: какой след оставит он на земле: *Я хочу быть убитым ударом плеча, / Не дожившим до лет, о которых мечтал, / Не увидевшим мёртвого Ильича, / Не забывшим «Интернационал» (Я хочу быть убитым в двадцатом году); Но Моцарт жив, и отступают галлы, / И не сегодня Риму умереть* (Причин потусторонних не ищите).

Выразителем смысловой специфики дихотомии «добро – зло» в ценностной картине мира А. Городницкого является структура «родина – чужбина», где **родина** рассматривается как **добро**, а **чужбина** как **зло**: *Кому-то родина и здесь / В холодной, плоской и пустой / Земле, бесплодной, как старуха... / Не отвергай её, постой. / Быть может, попросту, мой друг, / Хозяев угощая чаем, / Чего-то мы не замечаем, / Что очевидно всем вокруг (Кому-то родина и здесь); В поисках родины, в поисках Бога, / В поисках счастья, которого нет; Словно подруга печального Лота / Камнем останусь на этой земле (Беженцы-листья); Мне только ветра попутного нет, – / Сколько бы ни сокрушался, растерян: / Время не то и отчизна не*

та, – / Я не из птиц, а скорей из растений – / Недолговечен полёт у листа; И чужие горы / Навеки встанут на грудь (Ты покинь свой город); Не выпрашивай у Бога дальние края (Не выпрашивай у Бога); Будешь вечно ты грести к берегу другому. / И тебе уже до смерти не закончить путь, / Потому что ты в пути, если ты не дома (Не выпрашивай у Бога).

Важнейшей ценностной категорией для А. Городницкого является «творчество», лексическими репрезентантами в текстах становятся такие лексеммы, как: *поэзия, поэзия российская, песня твоя, песни, глаголы; петь; поэты, мудрецы; художник, кисть.*

По мнению поэта, **добро** – это возможность свободно творить, поэзия, искусство: *«Кто же тянет ко мне золотые лучи? / Кто негромко во сне окликает в ночи? / Кто назад меня манит в родные края?» / «Это песня твоя, это песня твоя...» (Сон); Спасибо, что петь разрешили, / Спасибо, спасибо. / Мы не были непогрешимы, / Но благ не просили. / От мест отгремевшего боя, / Где нет обелиска, / Мы песни уносим с собою / Не близко, не близко (Спасибо, что петь разрешили). А зло – невозможность свободного творчества, это отлучение от поэзии и свободомыслия: *Нечем взять художнику кисть, / Если каты отрубят руки; Ах, поэты и мудрецы, / Мы моральный несём убыток / В час, когда святые отцы / Волокут нас к станкам для пыток (Галилей); Ну кто в ниши дни поёт? / Ведь воздух от гари душен (Антигалилей); В стране, живущей среди войн и сыска, / Где кто берёт на горло, тот и нов, / Так родилась в поэзии российской / Преславная плеяда крикунов (Шалея от отчаянного страха).**

Говоря о поэзии, А. Городницкий утверждает: *Но слуховое впечатленье ложно. / Поэзия не факел, а свеча (Шалея от отчаянного страха).* Но, к сожалению: *Нет для поэта места на Земле, / Но, вероятно, нет его и выше (Бездомность Пушкина извечна и горька).*

Основная часть лексем, называющих ценностные категории, стилистически нейтральна: *любовь, жизнь, смерть, радость, друг* и др. Однако в стихотворениях А. Городницкого встречаются и лексеммы,

репрезентирующие эти категории, и с функционально-стилистической и эмоционально-экспрессивной окраской: *бредни* (прост.), *хмельное зелье* (народнопоэт.), *чело* (устар.), *пристанище* (книжн.), *анналы* (книжн.), *провиденье* (книжн.), *сеятель* (книжн.), *эпигонство* (книжн.) и др. В контекстах: *Любой полёт – лишь элемент паденья. / Когда кругом обложит вас беда, / Не стоит покоряться **Провиденью**. / Исчезнет всё, но вот вопрос – когда?* (Причин потусторонних не ищите); *Мы болезни лечим, / Мы не верим в **бредни**, / В суматохе буден / Тянем день за днём* (Памяти Юрия Визбора); *Ни поцелуя, ни письма любовного – / Единой страстью сердце сожжено. / И плакали. И поднимали бомбу, / Как **сеятель**, кидающий зерно* (Цареубийцы из домов приличных); *Оставьте своё **эпигонство** – / Оно бесполезно* (Спасибо, что петь разрешили); *Мучение застыло на **челе** – / Ни света, ни **пристанища**, ни крыши. / Нет для поэта места на Земле, / Но, вероятно, **нет его и выше*** (Бездомность Пушкина извечна и горька).

Используя эмоциональную лексику, поэт выражает непосредственно свои ощущения, чувства и настроения, в которых содержится оценка явлений объективной действительности [3, с.67]. Для этого он употребляет слова, называющие сами чувства, ощущения, настроения и связанные с ними действия, состояния: *Шалея от **отчаянного страха**, / Непримиримой правдою горя, / Юродивый на шее рвал рубаху / И обличал на площади царя* (Шалея от отчаянного страха); *И жить ещё **надежде** / До той поры, пока / Атланты небо держат / На каменных руках* (Атланты); *У **времени** свои законы / Не страшен старости приход, – / Ряд **ощущений незнакомых** / Приносит **каждый новый год*** (У времени свои законы) и др.

Проведённый анализ показывает, что парадигматическая связь данных дихотомических систем с ядерной системой «добро – зло» обуславливает их незамкнутость в языковом аксиологическом пространстве поэтических текстов, а следовательно, возможность использования в качестве соответствующих репрезентантов одних и тех же эмотивно-оценочных лексем. Например: *Будешь вечно ты грести к берегу другому. / И тебе уже*

до смерти не закончить путь, / Потому что ты в пути, если ты не дома (Не выпрашивай у Бога) (жизнь – путь – смерть); *Пускай сто раз судьбе / Разрушить твой Арбат, – / Его в душе моей / Я в сотый раз отстрою* (Прощай, моя Москва!) (смерть – судьба – жизнь – творчество); *Нет, не браню свои лета я, – / Всё впереди ещё, мой друг: / Так лес осенний, облетая, / Простор приобретает вдруг* (У времени свои законы) (время – надежда); *И осознав, что правды нету, / Не веря более в слова, / Дрались калеки за монету / Перед собором Покрова* (Смерть Бориса) (правда – ложь – материальные блага) и др.

Репрезентируют авторское отношение к ценностным категориям и прецедентные имена, которые автор вводит в текст. Например: *И не вяжется с тем Петроградом / Новостроек убогих кольцо, / Как не вяжется с женским нарядом / Джиоконды мужское лицо* (Этот город, неровный, как пламя); *Причин потусторонних не ищите. / Уже Сальери держит яд в горсти. / И если Рим нуждается в защите / Гусей, – его, как видно, не спасти* (Причин потусторонних не ищите); *Летать во сне и слушать Баха робко, / На лето ездить к тетушке в Херсон, / Мальчишеским пушистым подбородком / С намыленной петлей играть в серсо* (Цареубийцы из домов приличных); *Опять умирать Клеопатре, / А Гамлету лезть на рожон. / В театре, в театре, в театре / Мы души свои бережём* (Режиссёры); *Я ещё приеду, Маленец, / К ласковым дорогам деревенским, / Погрустить над убиенным Ленским, / О себе подумать, наконец* (Маленец); *Отрекись, Галилей, отрекись, / От науки ради науки* (Галилей) и др.

Жизненное и поэтическое кредо поэта, по нашему мнению, выражено в таких строках: *Пусть годы с головы дерут за прядью прядь. / Пусть грустно от того, что без толку влюбляться. / Не страшно потерять умение удивлять – / Страшнее потерять умение удивляться. / И возвратясь в края обыденной земли, / Обыденной любви, обыденного супа, / Страшнее позабыть, что где-то есть вдали / Наветренный пролив и остров Гваделупа* (Остров Гваделупа).

Александр Городницкий, видя несовершенство мира, всё-таки утверждает его красоту и мудрость бытия, пока сохраняется связь природы и человека: *Я повторять готов, живущий трудно, / Что мир устроен празднично и мудро. / Да, мир устроен празднично и мудро, / Пока могу я видеть каждый день / Тень облака, плывущего над тундрой, / Тень птицы, пролетающей над тундрой, / И тень оленя, что бежит по тундре, / А рядом с ними – собственную тень (Тени тундры).*

Всё вышеотмеченное позволяет квалифицировать отражённую в художественной картине мира поэтических произведений А. Городницкого дихотомическую систему «добро – зло» как сложную, незамкнутую структурную организацию, включающую целый ряд частных дихотомических подсистем, своей взаимопроницаемостью постоянно обогащающих друг друга и способствующих более полному и глубокому выражению непреходящих духовных ценностей.

Таким образом, отношение поэта к жизни, ко всем её явлениям многогранно. Он не просто живёт, – он чувствует жизнь, проживает её каждое мгновение.

Языковые средства, обозначающие ценностные категории, являясь ключевыми словами в поэтической речи А. Городницкого, не только способствуют формированию художественного содержания произведений, но и выражают авторское мировоззрение, отражённое в картине мира поэта.

Список использованной литературы

1. Городницкий А. М. И вблизи и вдали / Александр Моисеевич Городницкий. – Москва: АО Полигран, 1991. – 496 с.: ил. – (Серия «Барды»).
2. Городницкий А. М. Стихи и песни [Электронный ресурс] / Александр Моисеевич Городницкий. – Москва, 2002. – Режим доступа: www.bard.ru/cgi-bin/book_.cgi?id=79
3. Ильяш М. И. Практическая стилистика русского языка: [учеб. пособие] / М. И. Ильяш, Г. М. Минсевская и др. – Киев: Выщ. шк., 1975. – 254 с.

4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс : монография / Владимир Ильич Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

5. Санаева И. В. Аксиологический аспект языковой картины мира в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» (дихотомия «добро – зло»): автореф. дисс. на соиск. уч. степени канд. филол. наук: 10.02.01 – Русский язык [Электронный вариант] / Ирина Викторовна Санаева. – Калининград, 2007. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/aksiologicheskiy-aspekt-yazykovoy-kartiny-mira-v-romane-l-n-tolstogo-voyna-i-mir>

І. М. Клименко,

канд. філол. наук, доцент

ТЕКСТ ІНФОРМАТИВНО-БІЗНЕСОВОЇ ТЕМАТИКИ У ПОРІВНЯЛЬНОМУ АСПЕКТІ (НА МАТЕРІАЛІ АНГЛІЙСЬКОЇ ТА УКРАЇНСЬКОЇ МОВ)

Текст інформативно-бізнесової тематики у порівняльному аспекті (на матеріалі англійської та української мов). У статті розглядаються особливості англомовних інформативно-бізнесових текстів у порівнянні з аналогічними текстами в українській мові. Визначається їх місце у загальній текстово-жанровій класифікації, аналізуються їх спільні та відмінні стильові риси, підкреслюється зв'язок порівняльних досліджень з теорією перекладу.

Ключові слова: *інформативно-бізнесовий текст, порівняльна лінгвістика, текстовий жанр, стильова риса.*

Текст информативно-деловой тематики в сравнительном аспекте (на материале английского и украинского языков). В статье рассматриваются особенности англоязычных информативно-деловых текстов в сопоставлении с аналогичными текстами в украинском языке. Определяется их место в общей текстово-жанровой классификации, анализируются их общие и различительные стилиевые черты, подчеркивается связь сравнительных исследований с теорией перевода.

Ключевые слова: *информативно-деловой текст, сопоставительная лингвистика, текстовый жанр, стилевая черта.*

Informative Business Text in the Aspect of Comparison. The paper studies